

ВОСПОМИНАНИЕ О РАДУГЕ

С Чингизом Айтматовым в горах Тянь-Шаня

вашей непосредственную, внешнюю реальность, как тайну, как любовь.

За самой дальней вершиной, в неохватности небес, стоит радуга.

— Значит, чтобы увидеть радугу, должно пережить «тайну радуги»? — спрашиваю я. — В чем она?

— Не знаю. Да этого и нельзя знать заранее. Но если, глядя на воздушный нерукотворный мост, осознаешь себя невыразимо счастливым — то благодаря тому, что видишь... чудо, а не просто созерцаешь физическое явление природы.

Наверное, ТАК любознал бы родной землей человек, возвратившийся домой из долгого и полного опасений приключения путешествия. Однажды Чингиз Айтматов сказал, что, оказавшись он в космосе, о Земле, «планете людей», грезил бы образом Шекера.

Шекер — анг, где родился Айтматов, где живут люди, многие из которых так похожи на героев произведений писателя.

Греза о земле, о человеке... Может быть, в этом сокровенная тайна его творчества, образ его художественного мышления? Магический кристалл, сквозь который писатель и его герои смотрят на мир — неизбежное и неутолимое чувство родины, озабоченное «воспоминанием о будущем». Это чувство, по Айтматову, включает человека в историю, в народ, в человечество. В предисловии к повести Мухтара Ауэзова «Лихая година» Айтматов писал:

«И потому только за одно это — за то, что Октябрьская революция, родившись в России, сокрушила имперский

колониализм и тем самым спасла мои народы от физического истребления, я готов славить революцию до конца дней своих и детям детей своих завещаю: считать началом дней наших — Октябрь!» Эту идею исповедуют лучшие из героев писателя. В них она обрела яркое и полное выражение.

Но прежде он открыл ее в конкретных людях, когда, будучи корреспондентом «Правды», исходил пешком, объездил на коне и на машине всю Киргизию, и теперь, встречаясь с земляками как депутат.

Чингиз Айтматов — не «кабинетный» писатель. Он постоянно в думах и заботах о людях. Их насущные нужды — главное, что волнует его. Их чувства и мысли, преобразенные творческим вдохновением художника, являют всему миру красоту и величие человека-творца. Человека, возрожденного к жизни.

Примечательно, что по дороге мы не раз останавливались: люди узнают своего писателя. И каждый хочет с ним поговорить. И это не праздная беседа, а необходимый разговор о жизни, о делах, просьба о помощи или обращение за советом. И тут же бытовые, назальные бы, заметания он переводит в разговор об искусстве.

«Прекрасное — идея, которую нужно выстрадать». И еще: «Голая натура без познания — плоский, неподвижный быт, в котором могут быть лишь сомнительные удоволь-

ствия, но исключен восторг фантазия желаний, дающие человеку ощущение бессмертия».

...Помнится, в беседе о Толстом Чингиз Айтматов, перечитывая его дневники, остановился на такой записи: «Любовь уничтожает смерть и превращает ее в пустой призрак, она обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное, из несчастья делает счастье... И вот это толстовской мысли отозвалось в горах Тянь-Шаня».

...Пока мы с Ормоном, молчаливым, бесстрашным, лихим шофером, раскладываям карту, думаюется, что бессмертия — то состояние, которое герои Айтматова обретают в порыве глубочайшей страсти, ибо сила любви, какую они испытывают, так велика, что ее нельзя вынести в себе, утаить, не выразив, как это сумел юный Сеит, нарисовав Джамилю и Данияра счастливыми (и тем самым ребенок оправдал и благословил любовь взрослых), как безымянный мальчик из «Белого парохода», подумав: «Не знаю, почему мне становится так жаль моего деду, и я так люблю его, что хочется плакать...»

Мы продолжаем беседу... Речь идет о природе, о смысле искусства. И в этот момент из-за гребня-пригорка появился ребенок с желтым цветком в руке. С маленьким удивлением, чем мы на него, он устремил свой взор на нас. Но ни испуга, ни волнения. Он словно принял нас к сведению, опустился на колени и стал разглядывать что-то на земле. Наверное, его внимание привлекли муравьи, которых здесь множество.

— Вот, посмотри, — тихо говорит Айтматов. — Мир не подозревает о такой необыкновенной душе. Ведь сейчас

на наших глазах совершается величайшее открытие — всматриваясь в движение живых существ, будущее человечество утверждает свою сердечную связь с живой природой. Если бы, став не поправимыми взрослыми, мы не могли, не смели забывать этих священных мгновений единства с жизнью! Разве не в ту пору блаженного неведения и беспечной отваги нас посетили «вечные» вопросы бытия — о тайне жизни и смерти, потрясшие все наше существование... Правда, это может быть, кончится через миг, час или неделю, когда дитя человеческое наступит ногой на муравья.

— Почему это должно случиться?

— От страха, который мы, взрослые, вольно или невольно внушим ребенку, предупредив, что «муравьи кусаются». Или что «люди злы, думают только о себе»... Я говорю сейчас о конкретной матери, которая с помощью подобной философии воспитывает своих детей, полагая, что так готовит их к жизни. Нет, нам надо воспитывать человека бесконечно добрым, бескорыстным, беззаветно отважным, каким он, естественно, был в детстве и каким может вспомнить себя.

— Но сколько между тем мы знаем людей, которые благополучно забыв детство,

дорогих и близких людей, которым ты (пусть на мгновение) смог вернуть жизнь.

— Но, согласитесь, для некоторых взрослых вспомнить больно, больнее всего... — Это правда. И все-таки «рассчитаться» раз и навсегда, «забыть детство» — забыть самое святое, что может быть у человека. Это голос матери, звавшей тебя самими ласковыми именами, какие только есть на свете, суровую нежность отца, возмущение и не слишком часто сажавшего тебя на колени. Человек, не помнящий детства, как бы и не жил, являясь в мир неизвестно откуда. Он существует вне времени, вне людей. Ему нечего сказать будущему.

— Тем более, просто фактом своего существования. Да возьмем себя: сначала ведь не принимаешь какого-то человека инстинктивно, а уж потом, задумавшись, понимаешь, что в нем тебе понравилось или, наоборот, раздражало, — самодовольство, пошлость, зависть и т. д.

— Так что счастливым быть опасно: можно, не желая того, вызвать мстительный гнев «Орозкула»? Ведь его психологично вы имели в виду?

— Если хочешь. А что касается «быть или не быть» счастливым — это, по-моему, сознательно стремиться к такому состоянию души, когда греза детства вдруг возникнет перед внутренним взором в живых образах

исторического мироощущения в том, что сегодня любой человек уже не имеет права на «нейтралитет», не может взирать на мир глазами «непосвященного» в горе и страдания, которые, может быть, острее и глубже всех переживают дети. Почему? Потому, что им, как воздух, необходима надежда. Лишить детство веры в будущее — лишить жизнь смысла. Если говорить о Толгонай, то ею движет именно это стремление — внушить внуку любовь к жизни, к народу, на кого он не должен затаить обиду. Важно, поняв правду, простить все, что можно простить человеку. Но, подчеркиваю, человеку.

Легко ли решиться на исповедь? «А кто сказал, что легко? Толгонай мучительно готовится к ней, чтобы вызванные памятью образы людей, впечатления и чувства не «убили» ее... Да, тут нужно быть очень осторожным». «То есть условие исповеди — осторожное слово, которое вместе с тем, по ее мысли, должно быть своевременным и раскаленным, как железо, чтобы дойти до самого сердца? Что же это за слово?» «Слово поэзии. Поэзия — код общения взрослого и детского миров».

— Настоящего с будущим?

— Да, в этой волнующей гармонии, если она возникает, проявляется закон бытия, а следовательно, и искусства.

— Так же неожиданно, как и мальчик, появился дед. Он на коне подъехал к мальчику и посадил его в седло, впереди себя.

Мне захотелось узнать имя мальчика, и Чингиз Айтматов спросил старика.

— Аскар, — ответил тот.

— Знаете, Чингиз Торекулович, будь у мальчика из «Белого парохода» имя, оно спасло бы его.

— Ты, пожалуй, прав. Но что я мог поделать, если никакое имя ему не подошло.

Я спросил Чингиза Айтматова, не думает ли он, что когда-нибудь расстанется с темой детства.

— А почему я должен с ней расстаться? Но хочу убедиться: я пишу не о детстве, а детством, ибо убежден: нельзя писать о чем-то, а обязательно — чем-то.

— Что значит — «писать детством»?

— Видимо, тут дело в мироощущении, в восприятии жизни, которую ребенок готовится к ней, чтобы вызванные памятью образы людей, впечатления и чувства не «убили» ее... Да, тут нужно быть очень осторожным». «То есть условие исповеди — осторожное слово, которое вместе с тем, по ее мысли, должно быть своевременным и раскаленным, как железо, чтобы дойти до самого сердца? Что же это за слово?» «Слово поэзии. Поэзия — код общения взрослого и детского миров».

— Настоящего с будущим?

— Да, в этой волнующей гармонии, если она возникает, проявляется закон бытия, а следовательно, и искусства.

— Нет. Перед тем, как «уйти», взрослые преподали мальчику великий урок долга, отваги и человеческого братства. Это «немой» урок. Но тут и не нужны слова. Это «урок» — от сердца к сердцу.

— Между тем главная тайна Органа — его страсть к Рыбе-женщине — ушла вместе с ним. Да и вряд ли он мог бы выразить ее. Значит, для Кирикса она останется неизвестной?

— Как знать, какие еще уроки преподает будущему охотнику море. Рыба-женщина — символ бессмертной любви, поэзии жизни. Ее достоин самый благородный и смелый. Я уверен, ничто прекрасное, пережитое хотя бы одним человеком, не исчезает из жизни. Но также верно, что человек, ненавидящий красоту, природу, сам исключает себя из жизни.

— Гибель моих героев — не поражение. Трагедия? Да. Но в эту минуту, ради которой и стоит жить, они испытали необыкновенное величие духа.

— Человек, чтобы победить стихию, должен быть по крайней мере равен ей?

— Нет, стать выше ее. Но не как укротитель (стихию укротить нельзя), а как человек. Слепо равнодушной ярости океана он может противопоставить мужество и достоинство человека. Если говорить о философии Органа — это философия действия. Он подчиняется закону жизни, законам честного поединка.

— До конца?

— Но не любой ценой. И ни он должен оставаться человеком.

— Но он, в сущности, прожил свою жизнь, ему не на что жаловаться. А не возненавидит ли, не проклянет ли океан, отнявший у него самых близких людей, его внук, Кирикс?

— Нет. Перед тем, как «уйти», взрослые преподали мальчику великий урок долга, отваги и человеческого братства. Это «немой» урок. Но тут и не нужны слова. Это «урок» — от сердца к сердцу.

— Между тем главная тайна Органа — его страсть к Рыбе-женщине — ушла вместе с ним. Да и вряд ли он мог бы выразить ее. Значит, для Кирикса она останется неизвестной?

— Как знать, какие еще уроки преподает будущему охотнику море. Рыба-женщина — символ бессмертной любви, поэзии жизни. Ее достоин самый благородный и смелый. Я уверен, ничто прекрасное, пережитое хотя бы одним человеком, не исчезает из жизни. Но также верно, что человек, ненавидящий красоту, природу, сам исключает себя из жизни.

— Гибель моих героев — не поражение. Трагедия? Да. Но в эту минуту, ради которой и стоит жить, они испытали необыкновенное величие духа.

— Человек, чтобы победить стихию, должен быть по крайней мере равен ей?

— Нет, стать выше ее. Но не как укротитель (стихию укротить нельзя), а как человек. Слепо равнодушной ярости океана он может противопоставить мужество и достоинство человека. Если говорить о философии Органа — это философия действия. Он подчиняется закону жизни, законам честного поединка.

— До конца?

— Но не любой ценой. И ни он должен оставаться человеком.

— Но он, в сущности, прожил свою жизнь, ему не на что жаловаться. А не возненавидит ли, не проклянет ли океан, отнявший у него самых близких людей, его внук, Кирикс?

Сов. Кувейт, 1979, 9 окт.

Владимир КОРКИН.
ФРУНЗЕ — МОСКВА.